

A detailed illustration of a woman in a dark coat standing on a wet, cobblestone path at night, looking towards a large, old, and somewhat dilapidated house. The house has several windows with warm, yellow light glowing from inside, and a small porch with a glass door. The scene is atmospheric and mysterious, with bare trees and a dark sky in the background.

Звук в конце туннеля

ИГОРЬ ТАЛАНОВ

Игорь Таланов

Звук в конце туннеля

<https://litres.ru/74300709>

SelfPub; 2026

Аннотация

Айя никогда не видела. Для нее не существует даже темноты. Зато она слышит дом насквозь: шаги за стеной, дыхание за закрытой дверью, дрожь фальшивой ноты.

С детства рядом с ней - тихий голос без формы и имени. Он находит потерянное и предупреждает, когда близко опасность.

История о девушке, которая слышит больше, чем другие видят, и о выборе без права передумать.

Содержание

Глава 1. Ключи и сквозняк	4
Глава 2. Ноты Брайля	11
Глава 3. Скрипка без имени	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Игорь Таланов

Звук в конце туннеля

Глава 1. Ключи и сквозняк

С кухни потянуло горелой кашей, и отец, стало быть, опять забыл про плиту. Айя поняла это раньше, чем до нее дошла гарь, потому что кастрюля перестала булькать и начала скрести - сухо, царапающе, будто по дну водили ногтем. Она отложила смывчок, нашла трость и вышла в коридор, а из кухни навстречу ей пахло жаром, паленым и сквозь все это папиным одеколоном, тем самым горьким апельсиновым, который он держал якобы для праздников, а пользовался им каждое утро без исключения.

- Пап, плита.

Он загремел кастрюлей и пробормотал что-то себе под нос. Айя постояла в дверном проеме, привалившись плечом к косяку, и послушала, как отец воюет с завтраком: ложка скребет по металлу, вода из крана шипит на раскаленном дне, потом короткий сдавленный вздох.

- Ань, прости. Я хотел нормально.

- Да ладно.

- Нет, ну она же стояла пять минут. Пять минут, Ань!

- Двенадцать.

- Откуда ты...

- Оттуда, - сказала она и ушла к себе, потому что каша была ерундой, а вот у скрипки с утра поплыла четвертая струна, и вместо чистого «ми» инструмент теперь сипел, как простуженный, - и это, в отличие от каши, было серьезно.

Окно у нее оказалось приоткрытым, она поняла это по расслоившемуся воздуху: снизу, от пола, тянуло холодным, а сверху стояло теплое и почти душное. Сентябрь у них всегда был такой, ни то ни се; мама в свое время называла эту неделю «межсезонье - хоть волком вой», и говорила, надо признать, точно. С залива несло водорослями и ржавчиной. По вечерам дворы-колодцы принимались гудеть, и дом при этом мурлыкал себе под нос одну и ту же заунывную ноту, никак не мог ее домурлыкать и бросить тоже не мог.

Она провела пальцами по деке. Дерево было теплым, а там, где лак стерся, чуть шершавым, и скрипку эту она знала лучше, чем, наверное, знала бы собственное лицо: все царапины наперечет, каждый изгиб, запах канифоли, когда та греется под смычком. Лица своего она не видела ни разу.

Врачи так и не сумели объяснить, в чем дело: глаза здоровы, нервы целы, а сигнал где-то по дороге теряется, и где именно - науке пока неизвестно. По клиникам ее возили лет до двенадцати, потом родители перестали, устав смотреть, как очередной профессор в очередном белом кабинете разводит руками, а Айя сидит рядом совершенно спокойная.

Тьмы она, кстати, тоже не видела, никакой. Тьма - это ко-

гда свет был, а потом взял и пропал; а если его не было изначально, то там и нет ничего, даже черноты.

Зато со звуками все обстояло прекрасно, их хватило бы на десятерых. Дом был старый, дореволюционный, с толстыми стенами и потолками, до которых не докричишься, и характер у него имелся вполне определенный. По утрам он щелкал батареями, сначала на кухне, потом в коридоре, потом добирался до ее комнаты, будто просыпался частями и не сразу вспоминал, где у него что. Днем в шахте гудел лифт, утробно, как большой зверь на привязи. Зверь этот за прошлую зиму вставал четыре раза, и один раз вместе с соседкой с верхнего этажа внутри.

Соседей Айя знала по шагам, так было надежнее, чем по голосам. Соседка сверху ходила так, будто забивала сваи, а здоровалась всегда одним и тем же:

- Аечка! Ты кушала?

И, что бы ты ни ответила, отвечала:

- Ну вот и молодец.

Снизу жил студент, легкий и вечно опаздывающий, шаги смазанные, как дробь; имени его в подъезде не знал никто, звали «этот, снизу». Слева была семья с ребенком - топот, визг, и мамин голос, мягкий, теплый, будто завернутый в шерсть.

А в то утро отец искал ключи, и слышно это было великолепно. Он хлопал себя по карманам, сначала по брюкам, потом по куртке. Выдвинул ящик в прихожей - там звякну-

ли не те ключи, - задвинул обратно с досадой. Зачем-то сходил на кухню, постоял там безо всякого дела, вернулся. Шаги участились.

- Ань, ты мои ключи не трогала?

- Нет.

- Я же их сюда клал. Я их всегда сюда кладу.

Ящик выдвинулся снова, и что-то упало на пол с глухим стуком - легкое, не металлическое, обувная щетка, наверное.

Он нервничал, и это тоже было слышно, по дыханию: рваному, короткими толчками через нос. Опаздывал. В последнее время он опаздывал постоянно - новая должность, вечная гонка, попытка успевать везде, которая, честно говоря, удавалась ему плохо.

Она отложила трость и встала посреди комнаты.

Если перестать слушать самое себя - дыхание, стук в груди, шорох ткани при каждом движении, - начинаешь слышать дом, причем не так, как слышат его обычные люди, а глубже, будто снимаешь слой за слоем. Холодильник на кухне гудел ровно и низко. В дальней комнате форточка была приоткрыта примерно на два пальца, и оттуда тянуло еле заметным сквозняком, той самой разницей давления, которую не всякий уловит. Паркет под ногами потрескивал, потому что дерево живое, оно оседает и дышит. В ванной капало из крана раз в пять секунд, и папа обещал починить его еще в мае.

А на самом краю слуха обнаружился металл.

- Пап, - крикнула она в коридор, - а ты вчера в кабинет заходил?

- Что? Заходил, наверное. Я не помню, Ань, я вчера вообще не помню ничего.

Звон был тонкий и нерегулярный, так звенит подвешенная вещь, когда ее задевает ветер: то стукнет обо что-то, то отойдет. Шло из кабинета, и туда она и пошла.

В кабинете пахло бумажной пылью и тем самым одеколоном, который въелся в обивку кресла так основательно, что выбить его оттуда не смогло бы уже никакое проветривание. На пороге звук сделался отчетливее: латунное колечко брелочка покачивалось на деревянном крючке у окна, и сквозняк его исправно задевал.

- Они здесь. На крючке у форточки.

Отец замер где-то в коридоре, потом быстро прошел мимо нее, тяжело и торопливо, скрипнула дверца шкафа, и ключи звякнули у него в ладони.

- Ты откуда знаешь?

- Ты сам их туда вчера повесил.

- Я не вешал.

- Повесил.

Вчера точно шел дождь: отец вернулся поздно, с зонта капало мерно и тяжело, он скинул куртку, и мокрая ткань повисла на стуле с таким характерным весом, потом шаги в кабинет, потом глухой стук - ключи легли то ли на полку, то ли на крючок. Все это запомнилось само, без ее участия, как

запоминались сотни других мелочей.

- Ладно, - сказал отец. - Ладно.

Он подошел и положил ладонь ей на плечо, тяжелую и теплую.

- Уникум ты у меня, Анька.

- Опаздываешь, уникам.

- Да знаю я, знаю.

Когда за ним хлопнула входная дверь, Айя еще постояла в кабинете. Сквозняк трогал волосы, холодный, влажный. Она нащупала шпингалет и закрыла форточку, и звук металла о металл вышел резким, окончательным, как точка в конце предложения.

Вот тогда она это и почувствовала. Не звук и не запах, и воздух тут был ни при чем, - скорее уж чужой взгляд: будто в комнате кто-то стоял и смотрел на нее, задержав дыхание. Только дышать там было решительно некому. Она слышала всю квартиру до последнего шороха, каждое сердцебиение - свое, и больше ничье. И тем не менее кто-то там был.

Чувство это приходило к ней с самого детства, редко и обычно на границе сна и утра, когда тело уже проснулось, а голова еще нет. Не человек - что-то без формы, которую можно было бы хоть как-то назвать.

Она мотнула головой и пошла на кухню.

По дороге она все-таки остановилась у зеркала - старого, в тяжелой раме, которую мама когда-то приволокла с блошиного рынка и полгода потом ею гордилась, а отец полго-

да ворчал, что за такие деньги можно было купить холодильник. Зеркало Айя знала на ощупь: резные завитки, трещина в нижнем левом углу, шершавая позолота, местами облезшая до дерева. Она приложила ладонь к стеклу, и оно оказалось холодным, как всегда.

- Ну и кто там? - сказала она вслух, чувствуя себя при этом полной душой.

Никто, разумеется, не ответил, и стало легче.

Она опустила руку, дошла до кухни и поставила чайник, и ощущение чего-то лишнего вернулось опять. Все предметы стояли на местах и звучали ровно так, как им положено, и все-таки было что-то еще, чему тут быть не полагалось, а что именно - не поймешь. Чайник закипал, мелко подрагивая крышкой. Обычное утро понедельника в городе, где осень пахнет ржавчиной и водорослями.

Глава 2. Ноты Брайля

У двери Эрнеста Борисовича пахло лаком и старой обувью, и за столько лет Айя так и не разобралась, какой запах откуда берется. Лак тянуло из мастерской, где старик подклеивал ученические скрипки и ворчал, что дети их калечат, а банку он закрывать не считал нужным. Обувь жила в прихожей отдельной жизнью - четыре пары гостевых тапок, купленных, судя по фасонам, при разных генеральных секретарях, и на балкон их, кажется, не выносили ни разу. Свои она нашла сразу, растоптанные, с вышитыми розами по всему верху; левый протерся на большом пальце еще зимой, дырка потихоньку росла, но выбрасывать их никто не собирался.

- Анечка! - крикнул он из комнаты, и голос был как всегда: низкий, хриплый и при этом до странности живой, будто по контрабасу шарахнули смычком не в той тональности, а он все гудит и никак не уймется. - Проходи, проходи. Чай будешь? У меня сушки свежие. Почти.

- Почти - это как?

- Почти - это со вторника.

- А сегодня?

- А сегодня пятница, - сказал он без малейшего смущения.

- Садись, чего ты столбом-то.

Сушками и правда пахло, а еще мятой: он жевал жвачку перед учениками, чтобы освежить дыхание, и был свято уве-

рен, что это работает. Айя усмехнулась и пошла к роялю, не доставая трости.

Эта квартира была единственным местом на свете, где трость ей не требовалась. Тут ничего не двигалось лет пятнадцать, а может, и дольше: рояль в трех шагах левее двери, этажерка с нотами справа у окна, кресло с продавленным сиденьем в углу, и продавленность его была величиной постоянной, как ускорение свободного падения. У знакомых мебель имела мерзкую привычку переезжать - стул отодвинули, сумку бросили на пол, - и каждый такой стул оказывался маленьким предательством, о котором никто, кроме нее, не догадывался. А тут музей. Мавзолей вещей, и ей это нравилось.

Вокалом Эрнест Борисович занимался уже на пенсии, а до того много лет был хормейстером: камерный хор, гастрольи по области, один раз даже тот самый круглый зал с лепниной и желтыми креслами, про который рассказывала мама. Потом что-то у него случилось, то ли голос сел, то ли надоело; Айя не спрашивала, он особо не рассказывал, и обоих такой расклад устраивал. Теперь у него были частники, и любили его решительно все - от семилетних девочек с бантами до взрослых басов, которые приходили якобы разучивать арии, а на самом деле пожаловаться на жизнь и попить чаю.

Айя была любимицей. Поначалу ей казалось, что из жалости, - она вообще долго все подряд списывала на жалость, лет до тринадцати, - а потом однажды он сказал ей: «Ты у меня

одна тут слышишь, остальные слушают», и она успокоилась. Когда он объяснял про диафрагму, она чувствовала ее ход. Когда про резонаторы - ловила, как звук ходит в костях лица.

Сегодня, впрочем, ему было не до резонаторов. Он шелестел бумагами на этажерке своими сухими музыкантскими пальцами, которые умудрялись шелестеть, даже когда он просто тер их друг о друга. Звук был из детства, из той же коробки, где папа нервничал, а мама вздыхала.

- Черт, - сказал он себе под нос. - Ну куда я ее дел? Ань, ты в понедельник не заметила... господи. Извини.

- Да ничего.

- Нет, ну как я сказал, а.

- Что вы ищите-то?

- Тетрадь. Нотную, с Брайлем.

- Ту самую?

- Ту самую, других у меня нет. Полгода ее выписывал, там весь осенний репертуар и пометки карандашом. Вчера вечером перебирал, куда-то положил - и все. Провал. Склероз, чтоб его совсем.

Он выдохнул. Досады в этом выдохе было куда больше, чем он хотел показать, а тон Айя знала наизусть: так дышал папа над потерянными ключами, так вздыхала мама, не находя заколку. Забывчивости взрослые почему-то стыдились до неприличия, будто вся их взрослость держалась на умении помнить, куда положена очередная ерунда.

- Давайте помогу.

- Да как ты поможешь, милая? Я вон глазастый - и то не вижу.

- Зато я слышу.

Он хмыкнул, но спорить не стал. Однажды она уже сообщила ему, что слышит, как остывает чайник, - не чайник, разумеется, а металл, который при этом сжимается, - и старик тогда качал головой минут пять, потом махнул рукой и как-то незаметно привык. Со странностями у нее вообще было много.

Она села на круглый табурет, выпрямилась и расслабила веки. Открывать глаза смысла не было ровным счетом никакого, но так меньше отвлекало.

И квартира зазвучала.

Эрнест Борисович переступил с ноги на ногу, и половица под ним скрипнула дважды, потому что под одной доской там была пустота. Штора шевельнулась у приоткрытого окна, коротко потерлась о подоконник. Где-то кварталах в трех завывала сигнализация, повыла немного и заткнулась, будто решила передумать. А дверь в комнату была прикрыта неплотно, из щели тянуло холодным, коридорным, и сквозняк этот чего-то там касался.

Айя наклонила голову. Поток был слабый, кожей его почти не возьмешь, но фон от него менялся, и все, что попадало в струю, начинало вибрировать иначе. Особенно бумага - самый болтливый материал на свете, потому что она шуршит даже тогда, когда ее никто не трогает.

- Не шелестите минутку, - попросила она.

- Чего?

- Пойдите спокойно.

Он замолчал, и стало слышно лучше. На нижней полке этажерки лежало несколько листов, тонких и шершавых, в выпуклых точках, и точки цеплялись за воздух, сопротивлялись ему, и получалась не то тень, не то рябь, тише некуда. Человек с обычным слухом такого не разобрал бы. И было там еще кое-что помимо звука, какой-то толчок, будто ей легонько надавили пальцем на висок и сказали: там.

- Она на нижней полке, с краю. Раскрытая, и страницы шевелятся от сквозняка.

Старик замер.

- С чего ты взяла?

- Да вы подойдите просто.

Он недоверчиво кашлянул, прошелестел тапками к этажерке и наклонился с кряхтением, потому что спина у него была уже не та, и она услышала, как пальцы касаются бумаги.

- Мать божья, - выдохнул он. - Она самая. Анька. Ну как ты, а?

- Говорю же, слышу.

- Что ты слышишь, она же не звенит!

- Не звенит.

- Ну и?

Айя пожала плечами, потому что объяснить это было решительно нечем. Слышала она не звук, а движение звука,

перемену в потоках, и точки Брайля, те самые, которые она когда-то разбирала пальцем по слогам и от души ненавидела, выдавали себя каким-то еле уловимым эхом. Или не выдавали, а ей просто подсказали. Внутри дзынькнуло, тонко, на самой границе, и она отмахнулась.

- Феноменально, - пробормотал он и тут же, без всякого перехода: - Так, ладно. Я эту тетрадь теперь к столу клею, честное слово. Распелась?

- Еще нет.

- Тогда начнем. «Ми-ме-ма-мо-му», в до мажоре, в твоём любимом. И чтоб без фальши мне тут.

Дальше пошло как обычно. Она встала посреди комнаты, положила ладонь на живот, а старик принялся кружить вокруг, недовольный решительно всем.

- Выдох! Ну куда выдох? Ты не шарик сдуваешься, ты звук рождаешь. Звук на опоре стоять должен, как дом на сваях: сваи сгнили - и дом сложился. Еще раз. Вдох - живот вперед, плечи не задирай, кому говорю.

Плечи она все-таки задрала, за что немедленно получила.

- Теперь тяни «с». Долго. Как змея.

- Как кто?

- Как змея. Ты слышала когда-нибудь, как змея шипит?

- Нет.

- И слава богу. Вот и представь, что ты змея. Только красивая. И музыкальная.

Айя прыснула. Змей она никогда не трогала и не собира-

лась, но идея ей понравилась, и «с» вышло длинное, секунд на двадцать.

Потом был вокализ, вверх и вниз, и она ловила каждый полутон, как ступеньку под ногой. Эрнест Борисович аккомпанировал и местами фальшивил.

- У вас «фа» врет.

- Знаю, что врет. Настройщик приходил в марте, взял деньги и уехал. Пой давай, не отвлекайся.

А потом романс. Голос у нее был не сильный, зато чистый до неприличия. Старик слушал, останавливал, поправлял - и вдруг замолчал на полуслове.

- Так. Погоди.

- Что?

- Еще раз последнюю фразу.

Она спела еще раз.

- Знаешь, - сказал он, - тембр у тебя сегодня какой-то. Не пойму какой. Будто с тобой кто-то третий поет.

- В смысле?

- Да в прямом. Обертон. Я такое только у старых итальянцев слышал, они, говорят, специально так пели, чтобы ангелы подпевали. У тебя сегодня итальянский вариант. Мистика какая-то.

Она промолчала, а внутри дзынькнуло снова, и в этот раз погромче.

Чай пили из синих чашек с золотой каймой - фамильные, из прабабкиного сервиза, не вздумай разбить, у меня

их шесть, а было двенадцать. Заварка была густая, почти чифирь, а сушки и вправду оказались почти свежими. Айя грызла и слушала про бывшую ученицу, которая уехала в столицу и поет теперь в хоре при каком-то театре: в голосе была гордость и совсем немного зависти, потому что он любил, когда ученики вырастали, и терпеть не мог, когда они уезжали.

- Все, Анна, иди, - сказал он наконец. - Мне еще с Витькой из тридцать второй мучиться. Помнишь Витьку?

- С лягушкой?

- С ней самой. Но мама платит, а мама - святое.

В прихожей, пока она переобувалась, он взял ее за руку и подержал на пару секунд дольше, чем следовало.

- Ань. Я вот что спросить хотел. Ты правда слышала, где тетрадь? Или как-то иначе?

- Как это иначе?

- Ну не знаю. Почувствовала. Догадалась. Может, я сам проболтался, а ты запомнила и забыла, что запомнила, так бывает.

- Вы не проболтались. Я слышала.

- Услышала, - повторил он и руку отпустил. - Ну-ну. Аккуратнее там.

За спиной хлопнула дверь, и лязгнул замок - он всегда запирался сразу, привычка старого человека.

До дома было пятнадцать минут неспешным шагом: от парадной направо, вдоль сквера, мимо булочной, где всегда

пахло корицей, и через мост. Дорогу она знала до последней трещины в асфальте и шла, постукивая тростью, и думала о том, что такое случается все чаще. Ключи. Тетрадь. Еще раньше мамина заколка, которую папа искал полгода, а нашел ровно там, где сказала Айя, и потом три дня шутил про это за ужином.

Интуицией назвать не получалось. Интуиция говорит смутно, вроде «кажется, я утюг не выключила», а тут была конкретика: нижняя полка, с краю, у окна. И приходила эта конкретика не как догадка, которую надо еще проверить, а как готовый ответ, будто кто-то сунул ей в голову решенное уравнение вместе с ответом в конце учебника.

Во дворе-колодце было тихо, только голуби топтались по карнизу и переговаривались. В детстве Айя думала, что голубь - это такой мохнатый шарик, который воркует горлом, а когда папа объяснил про перья, крылья и клюв, обиделась: перья и клюв показались ей слишком сложным устройством для такого простого звука.

Она села на скамейку и попробовала восстановить все по порядку. Вот старик шуршит бумагами. Вот она слушает комнату и просит его постоять спокойно. И вот оно - знание, четкое, как карта местности, которой у нее в принципе никак не могло быть.

И знание было не ее. Пришло снаружи. Или изнутри, но все равно не от нее.

- И что мне с этим делать? - спросила Айя вслух.

Голуби на карнизе не отреагировали никак. Они вообще ни на что не реагировали, кроме еды.

Страх оказался совсем не киношный, без криков и беготни. Тихий такой, холодный, как сквозняк из-под двери, и от него хотелось не бежать, а наоборот, сидеть неподвижно и не отсвечивать. Скамейка была мокрая, но вставать она не стала.

В пять лет она однажды проснулась среди ночи и поняла, что в комнате кто-то есть.

- Мам, - сказала она тогда, - тут кто-то стоит.

- Где стоит?

- Вон там.

- Показалось, солнышко. Спи.

Не показалось. Кто-то стоял рядом, молча, и просто ждал, а на следующую ночь его уже не было - или он затих. Потом появлялся изредка, всегда молча, как тень в шуме дождя.

Она про это не рассказывала никому, даже родителям. Потому что как это произносится вслух: мам, у меня в голове кто-то живет. После таких разговоров едут не в консерваторию, а совсем в другое место.

Теперь он заговорил. Не словами, слова были бы слишком по-человечески; он обходился теплом в висках, легким давлением, иногда почти музыкальным тоном, который возникал и гас. И сегодня, пока она искала тетрадь, он сказал ей: там. Не вслух. Но она услышала.

По дороге домой вспомнилось еще, как в семь лет она

расшибла коленку, а за секунду до того внутри прозвучало: осторожно, ступенька. Тогда она решила, что это ее собственная мысль, просто быстрая, а может, и вовсе додуманная задним числом, когда уже сидела на земле и ревела. Теперь она в этом сомневалась.

Дома было пусто, папа задерживался, на автоответчике висело его сообщение: «Ань, я к девяти, поешь там без меня». Есть не хотелось. Она прошла к себе, скинула туфли и легла.

Потолок над ней был белый и высокий, так ей говорили. Для нее он был просто пространством над головой, которое давит или не давит в зависимости от высоты, потому что звук от него возвращается по-разному. Сегодня давило.

Она лежала и считала случаи, и набралось их больше, чем она думала. Он подсказывал, где лежит то, что потеряли. Предупреждал - та самая ступенька, потом машина. Один раз вытащил ее на литературе, когда она разобрала стихотворение так, что получила пять, а учительница потом читала ее ответ вслух всему классу, и Айя сидела молча, потому что сама не очень поняла, откуда взялись выводы.

И ни разу не назвался. Ничего не попросил взамен.

В конце концов она собралась и спросила напрямую, не вслух, а внутри: кто ты?

Сначала не было ничего.

Потом пришло тепло, растеклось от висков к затылку, будто ей положили на голову ладони. И в тепле оказался ответ

- огромный пустой зал, и где-то далеко в нем звучит струна. Одна. Такая длинная, что конца у нее, кажется, нет вообще.

Айя села на кровати. Сердце колотилось, в горле пересохло, и вот теперь страх пришел настоящий - липкий, подкапывающий к самому горлу. Потому что ответ она получила, а выдумать такое не смогла бы при всем желании.

Бежать к папе? И сказать что - пап, со мной с детства разговаривает непонятное нечто? Он вызовет врача. Врачи, те самые, которые разводили руками над ее зрительными нервами и говорили маме «ну вы понимаете», назовут это галлюцинациями, и дальше будет только хуже.

Она стиснула зубы и просидела так довольно долго. Паника уходила медленно и неохотно, как уходит вода после наводнения, оставляя ил, мусор и запах.

Часов в девять хлопнула входная дверь.

- Ань! Ты поела?

- Поела, - сказала она.

- Ну молодец. Я спать, завтра рано.

Она послушала, как он возится в ванной, как скрипит под ним кровать, как он ворочается и затихает, и позавидовала ему до слез.

Уснуть в ту ночь не вышло. До утра в голове крутились обрывки мыслей, звуков и каких-то совсем посторонних воспоминаний, а когда за окном завопились воробьи, которых она узнавала по деловитому чириканью, Айя легла обратно и закрыла глаза.

Больше он не отвечал. Но она знала, что он там и был там всегда, и самым жутким оказалось даже не то, что он наконец заговорил. А то, что одиночество, которое она столько лет считала своим, всю дорогу было ненастоящим. Рядом все это время кто-то стоял и слушал.

Глава 3. Скрипка без имени

Телефон зазвонил в понедельник, в самом начале десятого, когда Айя доедала бутерброд и слушала, как за стеной ругаются соседи.

- Ань, у меня беда. Ты скрипку из мастерской Гольдберга помнишь?

- Здравствуйте для начала.

- Да, да, здравствуй. Помнишь?

Голос у него был не тот, и она это слышала раньше слов. У треснувшего инструмента всегда меняется тембр, и никакой бодростью такое не замажешь.

Скрипку она помнила. Гольдберг держал магазинчик на Старом переулке, там пахло деревом, воском и столетней пылью, которую не выметешь никакой уборкой. В прошлом году старик ее туда затащил - потрогать нормальные инструменты, а не ученические деревяшки. Гольдберг открыл витрину и надавал ей скрипок в руки, штук пять подряд, приговаривая «осторожненько, осторожненько», хотя держала она их куда бережнее, чем он сам.

Одна была холодная как лед и пахла лаком так, что щипало в носу. Вторая теплая, почти живая. А третью она чуть не выронила, потому что та отозвалась на прикосновение раньше, чем на смычок.

- Та, с узкой талией? Которая внизу пела человеческим

голосом?

- Она. Украли.

- Как украли?

- Вот так. Вчера, или ночью уже. Гольдберг утром пришел открывать - замок целый, витрина целая, а скрипки нет. И главное, Ань. Больше ничего не взяли. Рядом две французские виолончели лежат, каждая как квартира стоит. Не тронули. А скрипку унесли.

- Странно.

- Странно! - сказал он с таким торжеством, будто она подтвердила давнюю его правоту, о которой все забыли.

Дорогой та скрипка не была, Гольдберг сам говорил: автор неизвестный, итальянская школа, а чья конкретно - поди установи. Зато звук. Эрнест Борисович, послушав ее однажды, просидел молча минут двадцать, а потом сказал, что эта скрипка знает что-то, чего они не знают. Айе тогда стало не по себе, и она долго не могла понять почему.

- А я тут при чем?

- При том, что там полиция уже. Следователь. Молодой, хмурый такой. Все осмотрел и говорит: следов взлома нет, значит, кто-то из своих. Теперь допрашивает подряд - меня, Гольдберга, продавцов, учеников. Я подумал... - Он замялся.

- Ань, ты нужна здесь. Просто послушать.

- Послушать что?

- Ну ты же слышишь иногда то, чего мы не слышим. Тетрадь вон нашла.

Вот этого она и боялась.

Четыре дня Айя честно уговаривала себя, что ничего тогда не было, а если и было, то не с ней. Так обычно и выходит: проснешься, услышишь, как дождь колотит по жестяному карнизу, и ночные страхи оказываются ерундой, тенью от занавески, чем-то, о чем потом стыдно вспоминать. Она запретила себе думать про тот вечер и почти справилась. Мешало только тепло, которое время от времени заводилось в висках. Оно не пугало, оно напоминало - так ноет старый шрам к дождю.

- Я не сыщик, Эрнест Борисович.

- А я не балерина. Гольдберг там места себе не находит, говорит, скрипка ему была как член семьи.

За окном тарахтел мусоровоз. Айя дождалась, пока он уедет.

- Ладно. Если это хоть чем-то поможет.

Он пришел через час. У них так было заведено: надо куда-то выбраться, а папа на работе - старик или брал такси, или, если погода позволяла, приходил ногами. Сегодня повезло: дождь кончился, вылезло робкое сентябрьское солнце, и он явился сам, в своем вечном драповом пальто, от которого пахло нафталином и примерно всем двадцатым веком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.